

Хуасинь, старшая школа, Седьмой класс.

В классе стоял невообразимый гам. Учителя были не в силах утихомирить учеников и в итоге просто махнули на них рукой, позволив творить что вздумается. Все знали: Седьмой класс — это гнилой зуб школы Хуасинь, рассадник беспредела и самых отвратительных пороков.

Ли Чу чувствовал себя до крайности изможденным. Стоило ему вернуться на свое место, как он тут же уткнулся лицом в парту. Состояние приемной матери в последнее время стремительно ухудшалось, зрение почти погасло — она уже несколько раз путала его с кем-то другим. Единственной отрадой было то, что приемный отец пропадал где-то сутками и почти не появлялся дома. Ли Чу до сих пор толком не знал, чем тот занимается, — только то, что отец уходит по ночам и возвращается лишь спустя какое-то время. Ли Чу мечтал, чтобы тот не возвращался вовсе: каждое его появление означало, что они с матерью снова погружаются в пучину ада.

— Эй, что происходит? Брат Цзян не появляется в школе уже три дня.

— Пишу ему сообщения, но они даже не помечаются как прочитанные.

— Может, после уроков заглянем к нему домой, проверим?

— Бесполезно, там все равно никого нет.

— Откуда знаешь?

— Да я уже заходил.

— Ты... и правда весьма догадлив.

Эти обрывки разговоров долетали до ушей Ли Чу. Делая вид, что ему не по себе, он скосил взгляд на задние парты. Все было так, как они и говорили: места Цзян Го пустовали. И пустовали они уже третий день.

Сам не понимая, почему его это так задело, Ли Чу нахмурился и поспешно спрятал лицо. Присутствие или отсутствие Цзян Го не должно было его волновать — они были двумя людьми из разных миров, чьи пути случайно пересеклись. Ли Чу пытался убедить себя в этом, но сердце было не обмануть. Мысли путались: а вдруг Цзян Го заболел? А вдруг с ним случилось что-то непоправимое... что-то, что заставило его покончить с собой?

— Брат Вэнь, умоляю, позвольте мне сходить в больницу... увидеть родителей в последний раз! Они ждут меня, они наверняка напуганы. Умоляю, отпустите!

Вэнь Хаочжэ, которого все называли Брат Вэнь, слыл отъявленным негодяем. В школе Хуасинь он был крупной фигурой, с которой не мог совладать даже директор. Единственный наследник семьи Вэнь, чье будущее было давно расписано родителями, он отличался высокомерием и не терпел возражений.

Разъяренный мольбами, он схватил парня за волосы и с силой дернул вверх, заставляя встретиться с ним взглядом. Пальцы Вэнь Хаочжэ, глубоко зарывшиеся в пряди, сжались так крепко, что несколько волосков остались у него в руке, плавно опустившись на пол. Лицо Вэнь Хаочжэ окаменело, он процедил сквозь зубы:

— Думаешь, я тебя отпущу? Ты слишком высокого о себе мнения. Твои родители — всего лишь никчемные людишки, чья жизнь и гроша лома не стоит. Я избавляю тебя от лишнего груза, я делаю это ради твоего же блага.

— Но они ждут меня... Что же мне делать...

— Брат Вэнь, я прошу только на сегодня! Я сделаю все, что прикажете, только умоляю...

Не дослушав, Вэнь Хаочжэ с размаху ударил его ногой в грудь и с презрением выругался:

— Ты тоже никчемный кусок мусора. Не мне марать об тебя руки. Эй вы, поднимите его.

Вэнь Хаочжэ размял суставы, готовясь обрушить на лицо жертвы град ударов, но тут раздался чужой голос:

— Оставьте его.

Ли Чу смотрел на них с пустым, безжизненным выражением лица. Оглядевшись и не увидев за спиной Ли Чу никакой поддержки, компания дружно расхохоталась.

— Ты решил заступиться? Займись-ка лучше собой. Ты сам в стае волков, как бы самому не сгинуть.

Ли Чу поднес к уху телефон, делая вид, что ведет запись, и с ледяной усмешкой произнес:

— Этого хватит.

Ли Чу не был обязан бросаться на помощь, и они были правы — он сам едва держался на плаву. Одно только существование отнимало у него последние силы. Но он не мог смириться. Когда он увидел, как эта банда окружила стоящего на коленях парня, измываясь над ним самым омерзительным образом, в нем что-то дрогнуло. Тот, кто лежал на полу, умолял о пощаде, его глаза светились от ужаса, тело била дрожь, а губы стали белыми, как мел... Он был так похож на него самого в прошлом.

Ли Чу уже не помнил, как ему удалось вырваться из их лап тогда. Но глядя на этого парня, он вспомнил себя. Он часто думал: если бы тогда кто-то вступился за него, была бы его жизнь другой? Он был сломлен и осквернен, пути назад не было. Но он не хотел, чтобы кто-то еще повторил его путь. Поэтому, не раздумывая, он солгал о видеосъемке. На самом деле у него под рукой не было даже устройства, способного что-то записать. Это была ставка, и он надеялся, что они поверят. Он был готов к худшим последствиям.

— Видео? Ты смеешь угрожать мне?

Вэнь Хаочжэ жестом приказал своим приспешникам отобрать телефон. Ли Чу, предвидевший такой поворот, продолжал играть свою роль. Его лицо оставалось бесстрастным, а голос — холодным и твердым:

— Если со мной сегодня что-то случится, видео станет достоянием общественности. Советую подумать дважды.

— Невозможно. Это блеф.

Увидев их насмешливые взгляды, Ли Чу едва заметно улыбнулся:

— Вы же знаете, я на это способен. О, кстати, обратный отсчет уже пошел.

Вэнь Хаочжэ, который годами верховодил в школе, впервые попал в такую ловушку. Его лицо почернело от ярости, он сжимал кулаки до побелевших костяшек и скрежетал зубами, глядя на Ли Чу так, словно хотел разорвать его на куски. Но наличие компромата связало ему руки.

— Уходим. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Когда фигуры обидчиков скрылись из виду, Ли Чу позволил себе легкую усмешку и убрал телефон в сумку. В его взгляде читалось одно слово: Идиоты.

— Спасибо... спасибо тебе... — раздался искренний шепот.

Ли Чу приподнял бровь и многозначительно ответил:

— Благодарю себя. Если бы ты не был так похож на меня в те времена, я бы прошел мимо. Я не святой, моя собственная жизнь — сплошная пропасть, и я едва справляюсь с собой.

— Твои родители ждут тебя.

Сказав это, Ли Чу развернулся и ушел, оставив парня на полу.

После затяжных дождей наконец выглянуло солнце. Ли Чу, как обычно, дремал, уткнувшись в парту, отгородившись от всего мира, хотя его взгляд то и дело невольно скользил к пустой задней парте. Пять дней. Цзян Го не было уже пять дней.

Ли Чу мало общался с Цзян Го, но, заметив в нем некую скрытую сторону, он подсознательно причислил того к себе подобным.

Не успел он сменить позу, как чья-то рука резко дернула его за волосы. Боль пронзила скальп,

и Ли Чу мгновенно пришел в себя. На его лице застыло безразличие, смешанное с подавленной яростью. Не успел он среагировать, как услышал знакомый голос:

— Наконец-то я тебя нашел. Ли Чу.

Ли Чу был крайне чувствителен к звукам — возможно, это была компенсация за глухоту приемной матери. Он нахмурился, пытаясь найти способ вырваться, но внезапно чья-то рука с силой ударила его головой о парту. Раздался глухой стук.

Весь Седьмой класс затаил дыхание, наблюдая за этим представлением. Никто не решался вмешаться, все держались от Вэнь Хаочжэ подальше. Они знали, кого можно задирать, а кого — себе дороже. Семья Вэнь стояла лишь на ступень ниже семьи Цзян, и оба клана враждовали годами. В отличие от большинства в Седьмом классе, Вэнь Хаочжэ не нужно было беспокоиться о последствиях своих действий. Однако, находясь в такой среде, все они были под пристальным прицелом, и любая ошибка могла привести к краху. Именно поэтому Вэнь Хаочжэ тогда неохотно отпустил того парня.

Вэнь Хаочжэ, потеряв контроль, продолжал бить Ли Чу головой о парту, пока из разбитого лба не хлынула кровь, окрашивая дерево. Запах крови ударил в нос. Лицо Ли Чу было залито алым, холодный пот смешивался с кровью, но сам он оставался пугающе спокойным. Он привык к жизни, скрытой от солнечного света. Это был лишь мимолетный эпизод в его бесконечной череде страданий.

Возможно, эта невозмутимость Ли Чу окончательно вывела Вэнь Хаочжэ из себя. Он замахнулся, чтобы нанести сокрушительный удар ногой, но внезапно чья-то нога оттолкнула его в сторону.

На глазах у изумленного класса Цзян Го, не меняясь в лице, произнес:

— Твой зонт.

На лице Цзян Го не дрогнул ни один мускул. Он положил зонт на парту Ли Чу и молча вернулся на свое место. Поступок Цзян Го поверг всех в шок: никто не мог поверить, что он лично принес зонт и положил его перед Ли Чу. Это действие выглядело как заявление прав на собственность. По крайней мере, именно так его воспринял Вэнь Хаочжэ.

<http://bllate.org/book/22343/2340957>